

Мирный, но не смирный

Биробиджанер Штерн

26(14700) 01.07.2020

Ирина Манойленко

Валерий Панман, Наум (Нахим) Фридман и Федор Фетисов (слева направо)

Так говорили коллеги об одном из самых талантливых журналистов в истории «Биробиджанер штерн»

Недавно, перелистывая выпущенный в 1972 году документальный сборник «На берегах Биры и Биджана», решила перечитать два очерка. В одном очерке автор поведал о своих встречах с писателем Эммануилом Казакевичем, в другом рассказал о Еврейском народном театре.

Чаще всего, когда читаешь документальные публикации прошлых советских лет, идеологические штампы буквально лезут в глаза. Да и время берет свое, с годами устаревают даже самые талантливые вещи. А тут прошло почти полвека, но читаются очерки так, будто написаны нашим современником.

Вот отрывок из очерка «Память сердца» – о Казакевиче:

«С годами человек может меняться, но по голосу его всегда узнаешь. Таково уж свойство природы и, видимо, искусства тоже. Как ни усложнился мир героев Казакевича, но что-то такое в художественной интонации, манере было и от его дальневосточной юности. Да и в содержании тоже».

В очерке под названием «Народное, самобытное» автор пишет:

«Путь Еврейского народного театра озарен отнюдь не одними праздничными огнями премьер. Между ними пролегает полоса будничной, порой нелегкой, напряженной

работы. Это поиски пьесы, которая бы заинтересовала, зажгла актеров-любителей. Это – поиск новых дарований, настойчивая, кропотливая их шлифовка».

Очерки подписаны разными фамилиями – Фридман и Мирный, написал их один и тот же журналист – Наум Фридман. Мирный – это его газетный псевдоним. Почему Мирный? Так буквально переводится с идиша его фамилия – «мирный человек».

Бывший редактор «Биробиджанской звезды» **Валерий Панман** рассказывал о Фридмане:

«Он и войну прошел, и лагеря, но статьи и очерки у него были очень добрые, человеческие, без той хлесткости, которой многие газетчики грешили».

Старейший журналист **Федор Фетисов**, недавно ушедший из жизни, вспоминал, как он вместе с Наумом Фридманом поехал в сельскую командировку:

«Он настолько тактично, интеллигентно и очень спокойно, по-доброму, общался с народом, что я ему даже позавидовал – я ведь, если что неладное видел, тут же срывался. Можно сказать, урок мне преподал, как надо себя вести, чтобы люди тебе открылись».

А **Ефим Кудиш** в книге «Штерн – звезда моя заветная» так написал об этом:

«Какой-то домашний, немногословный, внешне флегматичный, Наум Моисеевич чем-то напоминал библейского мудреца с картины известного фламандского художника. Казалось, ничто не может вывести его из равновесия».

Свой псевдоним Наум Фридман взял в довоенные тридцатые годы, когда начал работать в «Биробиджанер штерн». Литраб – так называлась его первая должность в газете. Если без сокращения – литературный работник. А он, говорят, шутил – вот, мол, отдал себя газете в добровольное рабство. Вскоре стал ответственным секретарем – эта должность была второй по значимости после редакторской. Он был незаменимым ответником многие годы.

– Приходил на работу первым, спозаранку и уходил последним, по темну, – вспоминал Ефим Кудиш, бывший сотрудник «БШ». – Утром брал с телетайпа официоз, сам часто его переводил на идиш, и когда приходили все сотрудники, оставалось только набрать материал и сверстать. По его вине, насколько помню, никогда не было задержек с выпуском очередного номера. А вечером он задерживался, чтобы все проконтролировать в типографии и найти время для творчества. Свои очерки и статьи Наум Фридман, когда был ответственным секретарем, писал только в нерабочее время – вечерами и ночами. Бывало, что и ночевал в рабочем кабинете.

Из скупой биографии журналиста известно, что родился он в еврейском местечке Ломыш Минской губернии в 1907 году. В советские годы местечко станет частью Гомельской области. Когда в Гомеле открылся еврейский педагогический техникум, Наум Фридман, имея за плечами хедер и семь классов школы, поступил туда учиться. Студент оказался настолько начитанным и творчески одаренным – писал неплохие стихи, что его рекомендовали на учебу в Московский государственный педагогический институт имени Ленина, на факультет еврейского языка и культуры.

И тут происходит неожиданный поворот в его жизни – узнав о том, что на Дальний Восток начинается большое еврейское переселение, Наум Фридман, оставив Москву и учебу в вузе, возвращается в Белоруссию, записывается в добровольные переселенцы и в мае 1928 года с эшеленом таких же добровольцев приезжает на станцию Тихонькая. Но его профессия и талант оказались невостребованными – школа в селении была только начальная с преподаванием на русском языке, газеты здесь не издавались. Блестящего студента отправили в Бирофельд, где ему пришлось осваивать сельскохозяйственные

профессии. И не только. Именно в Бирофельде при участии Наума Фридмана стала выходить первая на территории будущей автономии газета, пока еще рукописная.

Диплом он все-таки получил, ему разрешили доучиться. А потом – повестка в армию. Отслужив, мог бы остаться в Москве, в том же Минске, где выходили газеты на идише и были еврейские школы. Но Наум Фридман вернется в Биробиджан и проживет здесь почти все оставшиеся годы. Почти – потому что два раза покидал город. Первый раз – когда ушел добровольцем на войну. Второй раз уже без доброй воли, отбывая срок в сибирском лагере по «Биробиджанскому делу».

На войну ушел в 1941 году. Вернулся осенью 1945-го в звании старшего лейтенанта и с орденом Красной Звезды – боевой наградой, которую получил на советско-японском фронте как военный журналист.

Говорят, орден он не надевал даже в праздники, о войне вспоминать не любил. Но это из скромности. А вот мирные годы начала пятидесятых Наум Фридман старался забыть как страшный сон.

Он тогда, кроме работы в «БШ», состоял в редколлегии литературно-публицистического альманаха «Биробиджан» – издания, которое стало выходить вместо альманаха «Форпост», выпуск которого был прекращен якобы из-за финансовых трудностей. В новом альманахе печатались не только биробиджанские, но и московские, минские, украинские литераторы. Были среди них и члены Еврейского антифашистского комитета. Как только в стране развернулась борьба против всего еврейского, в публикациях авторов альманаха, бдительные органы сразу же обнаружили крамолу.

Наума Фридмана арестовали в мае 1951 года. Говорят, взяли его прямо в командировке на колхозном поле, где он беседовал с внештатным корреспондентом газеты Нохемом Хайкиным и получил от него выходившую в Польше газету на идише. Обвинили журналиста в «проведении антисоветской националистической деятельности», связях с американским обществом «Амбиджан», передаче через Еврейский антифашистский комитет в США и разглашении в печати сведений, составляющих государственную тайну. И тут мирный журналист не стал смиренным и твердо стоял на своей невинности. Сломить его так и не удалось, и часть обвинений с подсудимого пришлось снять. Его обвинили по одной статье и осудили на десять лет лагерей, а не на двадцать пять, как грозило поначалу.

В декабре 1955-го дело Наума Фридмана было пересмотрено, он был признан невиновным и реабилитирован. Новый 1956 год журналист встречал на свободе, в вагоне поезда, который вез его в Биробиджан. Здесь его ждали жена, трое сыновей и любимая работа, по которой он истосковался.

Наум Фридман был не только талантливым журналистом. Он писал хорошие стихи и рассказы, но никогда не претендовал на то, чтобы выпустить свою книгу. Его друзьями были Давид Бергельсон, Эммануил Казакевич, Бузи Миллер, Хаим Бейдер, Гирш Добин, но Наум Фридман не решился стать вровень с ними, оставаясь в тени. Будучи руководителем областного литературного объединения, он помог в творческом становлении многим молодым литераторам – Роману Шойхету, Анатолию Кобенкову, Ольге Ермолаевой... Его ученики получали звания, награды, признание, а Наум Фридман оставался в их тени рабочей лошадкой, которая тянула и тянула свой воз, не думая ни об отдыхе, ни о славе.

Даже став пенсионером, из редакции не ушел. Он и умер по пути на работу – сердце не выдержало бешеной нагрузки. Это был 1976 год, когда Науму Фридману было 69 лет.

Жаль, что творческое наследие незаурядного журналиста, каким был Наум Моисеевич, тоже в основном осталось в тени – подшивках газет, журналов, немногочисленных коллективных сборниках.

В прошлом году в Москве вышла книга тоже бывшего штерновца **Бениamina Бранда**, который, вспоминая о своей работе в «БШ» в тридцатые годы прошлого века, упомянул добрым словом Наума Фридмана:

«Как я уже писал, атмосфера в редакции была благожелательной и дружелюбной. Это было заслугой Бузи Гольденберга, редкого умника и эрудита, прирожденного редактора.... Его помощник, ответственный секретарь Нохем Фридман, чье широкое кресло у стола было ему слишком тесно, с толстыми стеклами очков на румяном полном лице, был незаменимым человеком в редакции, тянувшим на своих плечах самую тяжелую работу. Он мог сутками сидеть в своем кресле и делать газету».

Наума Фридмана, не дожившего до преклонных лет, негласно называли в Биробиджане патриархом журналистики. Думаю, меня поддержат коллеги в предложении установить на здании издательского дома «Биробиджан», где он работал, мемориальную доску, увековечить добрую память об этом незаурядном человеке и журналисте.